

В.М. РЫНКОВ

**АГРАРНЫЙ ВОПРОС И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЗАБАЙКАЛЬЕ В 1918–1919 гг.***

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск,
Новосибирский государственный университет
e-mail: vadsvet@list.ru

В статье рассмотрены особенности аграрных отношений в Забайкалье в годы Гражданской войны. Акцент сделан на межнациональный аспект. На основе новых архивных документов автор приходит к выводу, что революция обострила психоментальный конфликт земледельцев и скотоводов, имевший в Забайкалье характер этнических противоречий. Это привело к многочисленным земельным захватам и сопровождалось взаимной жестокостью. Антибольшевистские правительства защищали земледельческий тип хозяйства, тогда как земские органы пытались урегулировать аграрные противоречия на основе компромисса между бурятами и русскими.

Ключевые слова: сельское хозяйство, межнациональные отношения, Забайкалье, Гражданская война, буряты, казаки, переселенцы.

В период революции и Гражданской войны земельный вопрос в России являлся одним из наиболее острых. Особые сложности с его разрешением возникали в национальных окраинах Российской империи. Данное положение не подвергалось сомнению ни в советской, ни в современной историографии. Напротив, отталкиваясь от него, в последние годы исследователи добавили много деталей в его изучение.

Забайкалье является одним из регионов, аграрная история которого представлялась ярким тому подтверждением. До начала 1990-х гг. отечественные историки подчеркивали, что советская власть осуществила раздел кабинетских и частных земель в интересах беднейшего населения. Причем особое внимание авторы уделяли фактам, свидетельствующим о совместных действиях русских и бурятских бедняков против зажиточных соседей, о захватах крестьянами земель монастырей и дацанов, которые трактовали как часть революционных преобразований, связанных с ликвидацией церковного землевладения. Но пришедшая на смену советам контрреволюция попыталась вернуть эти земли прежним владельцам, более того, санкционировала захват бурятских земель кулаками. В то же время бурятские национальные органы защищали интересы зажиточных соплеменников. Беднота от этих преобразований только потеряла, что и предопределило ее участие в борьбе за восстановление советской власти [1, с. 35–39; 2, с. 47, 59–61; 3, с. 270–281; 4, с. 40–44, 56–57, 116–123]. По мнению Б.Б. Батуева, беднота захватывала земли «богатеев», при этом отчасти такие захваты носили межэтнический характер и трактовались элитой как столкновения на национальной почве. В его интерпретации земельные конфликты русских и бурят «искусственно создавались имущими классами» [4, с. 44, 56]. Советская историография оперировала ограниченным набором фактов, абсолютное большинство

которых относилось к 1917 – первым месяцам 1918 г. Применительно к антибольшевистскому периоду исследователи предпочитали ограничиваться общим обзором экономической политики «колчаковщины», избегая описывать состояние аграрной сферы Забайкалья, остававшейся «белым пятном».

В последующие годы историки вновь возвращались к данной проблеме. Б.Б. Батуевым был опубликован сборник документов, некоторые из них затрагивают аграрную проблематику [5, с. 29–31, 99, 135, 154–155, 180]. Российско-бурятские аграрные противоречия рассматривались в статьях и диссертации С.А. Лескова [6; 7], статьях, монографии и диссертации А.В. Сушко [8, с. 58–59, 209–210, 214–214; 9; 10]¹. С.А. Лескову помешало разобраться в хитросплетениях аграрного вопроса в Бурятии слабое знание исторического контекста и невнимательное отношение к немногим новым источникам, введенным им в научный оборот. В его работе преобладают извлеченные из советской историографии оценки и факты. А.В. Сушко, напротив, опирается на первоисточники, взвешенно использует историографический материал. В его публикациях присутствует однозначный вывод: вина за русско-бурятские земельные конфликты в основном лежала на русских крестьянах [9, с. 201].

Несмотря на различные позиции советской и постсоветской историографии, исследователи используют общую источниковую базу. Одним из основных источников информации о русско-бурятских земельных противоречиях остаются документы Бурятского национального комитета. Нужно отметить, что значительная часть привлекаемых источников крайне тенденциозна и односторонне отображает происходившие события. Практически отсутствует достоверная и внятная картина того, как эволюционировали аграрные отношения после падения советской власти.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00246а.

¹ Посвященные рассматриваемому сюжету части монографии и диссертации в основном идентичны статье.

А.В. Сушко выдвинул тезис о том, что падение советской власти не принесло успокоения в обостренные до предела межнациональные отношения в Забайкалье. Если раньше крестьяне грабили и обирали бурят, выдавая себя за сторонников большевиков, то теперь признание советами аймачной структуры стало аргументом для набегов на них уже с антибольшевистских позиций. Но сущность поведения российских крестьян не изменилась. Они находили политический предлог для грабежа инородческих земель и захватов их угодий [9, с. 203].

Представляется, что позиция исследователя связана с элементарным игнорированием обстановки в регионе. Во-первых, в предшествовавшее революции десятилетие происходили многочисленные захваты крестьянством неиспользуемых бурятских земель [1, с. 34]. Документы осени 1918 г. свидетельствуют о том, что Гражданская война фактически уже много месяцев шла в забайкальской деревне. Она расколола население как по сословным границам, так и по имущественному и идейно-политическому принципу. Конфликты между населенными пунктами перемежались с внутридеревенскими. Сходные события происходили в казачьих станицах и поселках, старожильческих и переселенческих деревнях, бурятских селениях. Существуют многочисленные документы, свидетельствующие о частных межселенных конфликтах на протяжении всего 1918 г. Объявляя себя сторонниками советской власти, группы сельских жителей угоняли скот и захватывали земли и внутри селений. При этом к социальной розни примешивались личные мотивы. Эти события вызвали массовое бегство в соседние уезды или даже в Монголию. Воевавшие с атаманом Г.М. Семеновым отряды Красной гвардии производили в селениях казаков и крестьян, якобы враждебно настроенных к советской власти, конфискации скота и имущества, свозили все в свои деревни и поселки, называя это военной добычей. Упомянуты фамилии руководителей отрядов: Тетерин, Кожутин, Журавлев и др. Отступавшие позже в Монголию группы сторонников советской власти отнимали на своем пути у крестьян и бурят все необходимое для движения: скот, телеги, лошадей, теплую одежду, продовольствие и фураж². Через некоторое время жители возвращались с войсками Г.М. Семенова и начинали собирать разграбленное имущество, проявляя жестокость к участникам грабежей. В многонациональном регионе немалая часть подобных конфликтов неизбежно окрашивалась в национальные цвета. Причем инородцы, как и русское население, выступали сразу в двух ролях. Среди них были и инициаторы захватов земли и имущества, и те, кто сам пострадал, искал реванша и требовал компенсации с обидчиков. Поэтому нельзя однозначно относить бурят к инициаторам земельных конфликтов или пострадавшей стороне. Но в Бурятский национальный комитет попадали только дела бурят, искавших защиты от русских. Случаи противоположного содержания документировались земскими или станичными органами.

Приведем два конкретных примера. В декабре 1918 г. Народная дума бурят-монголов Восточной

Сибири просила забайкальского областного комиссара принять меры к спасению от голода скота бурят Обдорского и Булакского сомонных обществ Гочитского хошуна Хоринского аймака. Причиной голода стал захват крестьянами Малетинской волости сена на бурятских землях. Известно, что земельный отдел Забайкальской областной земской управы разрешил крестьянам косить спорное сено с условием, что они половину его отдадут бурятам. Но буряты настаивали на получении всего сена³. А в Нарынском сельском обществе русские крестьяне имели совместный покос с бурятами-кочевниками. Осенью 1918 г. буряты соседнего Урлунгуе-Кондуевского булука запретили русским пользоваться сеном, скошенным с совместного участка, и разделили это сено между собой и нарынскими бурятами. 6 октября 1918 г. в селение явился вооруженный отряд олон-булакских бурят и произвел конфискацию скота у крестьян, затем последовали обыски в домах и амбарах крестьян, при этом понравившиеся предметы домашней утвари были реквизированы, а хозяева подвергнуты избиению. Буряты грабили от имени атамана Семенова. Крестьяне составили об этом событии приговор и опись изъятого имущества⁴.

Даже по отзывам самих бурятских органов земельные конфликты были неравномерно распределены по территории, имели самые разные причины, а инициаторами выступали обе стороны. Так, в июне 1918 г. Селенгинский аймачный земельный комитет разделил все аграрные столкновения на два типа. К первому отнесли претензии бурятских обществ на земли казны и других групп населения. На территории аймака насчитывалось 11 примеров такого рода. Второй тип связан с тем, что казаки и крестьяне отнимали бурятские земли. На территории аймака отмечено несколько таких случаев. Земельный комитет признал численное преобладание дел первого типа [5, с. 135]. А в конце 1918 г. Народная дума бурят-монголов Восточной Сибири сообщила забайкальскому областному комиссару, что в Хоринском аймаке зафиксировано 15 случаев самовольного захвата русским населением бурятских земель, в Баргузинском – 1, Агинском – 4 [5, с. 155].

Следует учесть, что бурятские органы своеобразно интерпретировали существо земельных конфликтов. Они исходили из того, что при проведении землеустройства в Забайкалье в 1900–1915 г. царское правительство несправедливо отрезало исконные бурятские земли, передав их под переселенческие участки и в ведение казны. Все эти территории подлежали возвращению бурятам. Если отграниченные у бурят участки оставались не занятыми переселенцами, то их продолжали считать неотъемлемой частью бурятских наделов. Участники конфликтов, буряты и русские (старожилы, переселенцы или казаки), искренне считали те или иные угодья своими. Они ссылались на разные, как им казалось, законные, но разновременные и противоречившие друг другу решения землеустроителей, органов государственной или сельской администрации.

Никто из авторов не анализировал активную и хорошо документированную деятельность забайкаль-

² ГАЗК. Ф. 334. Оп. 2. Д. 16. Л. 22–23.

³ Там же. Л. 56, 60.

⁴ Там же. Л. 81–83; Д. 55. Л. 10, 10об, 12–16.

ских государственных и земских земельных органов по урегулированию аграрных противоречий в регионе. Постановление Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. предписывало вернуть все захваченные ранее земли прежним владельцам. Обеспечивать это решение должны были специальные губернские и уездные комиссии. Тем, кто успел произвести на спорных землях сельскохозяйственные работы, позволялось собрать урожай.

Забайкальские земцы отказались формировать комиссию на основании общесибирского законодательства, настаивая на необходимости включения в их состав представителей от непризнанной Временным Сибирским правительством Народной думы бурят-монголов Восточной Сибири. 29 сентября 1918 г., не дожидаясь реакции из центра, Читинская областная земская управа приняла соответствующее постановление⁵. Корректировка состава комиссий требовалась прежде всего для разрешения имевших международную подоплеку земельных конфликтов. Кроме того, управа постановила применять постановление 6 июля 1918 г. не только к частновладельческому, но и к наделным землям [5, с. 151–152].

В Забайкалье в 1918–1919 гг. земствами создавались специальные согласительные комиссии для поиска компромиссных решений в случаях столкновения бурятского и русского населения. Впервые такие комиссии появились в конце 1917 – начале 1918 г., а с августа 1918 г. их периодический созыв возобновился. Нигде в Сибири не было аналогичных органов. Примечательно, что направление деятельности согласительных комиссий не претерпело принципиальных перемен в связи с падением советской власти. Они продолжали при необходимости опираться на решения земельных органов за 1917 – первую половину 1918 г. Правовой и административный механизмы реализации их решений остались не разработанными. 2 января 1919 г. областное земство запросило у управляющего Забайкальской области разрешения привлечь милицию в тех случаях, когда крестьяне отказываются исполнять постановления согласительных комиссий⁶. Но факты принуждения милицией населения к исполнению решений земств по урегулированию земельных отношений выявить не удалось.

Зато имеются сведения, что крестьяне и буряты часто игнорировали решения земельных органов. В 1917–1918 гг. многие бурятские покосы оказались выкошены или запаханы русским населением. Крестьяне и казаки считали, что имеют основания вводить пустующие с их сельскохозяйственной точки зрения земли в сельскохозяйственный оборот, или захватывали территории, отграниченные им по землеустройству либо оставшиеся спорными. Только в Хоринском аймаке аймачная управа насчитала в конце апреля 1919 г. 29 случаев захвата крестьянами бурятских земель. Следует оговориться, что это точка зрения бурятских властей. Лишь по 8 из них были приняты решения согласительной комиссии о возвращении земель бурятам, но крестьяне везде отказались выполнять эти

решения. Другие случаи либо оставались в производстве и ожидали решения, либо информация о них поступила совсем недавно и к их рассмотрению еще не приступили⁷. Нужно учитывать, что территория этого аймака являлась «сгустком» русско-бурятских аграрных противоречий.

Сибирское аграрное законодательство позволяло крестьянам рассчитывать на временное сохранение захваченных участков в их распоряжении. Отсюда и стремление не только снять сено со спорных участков, но и произвести запашку. Следующий год не принес кардинальных перемен. Бурятские аймачные власти отмечали, что крестьяне с воодушевлением встретили декларацию Российского правительства о земле от 4 апреля и постановление от 8 апреля 1919 г. о временном сохранении земель в руках незаконных пользователей, при условии их обработки. Крестьяне выражали надежду получить со временем захваченные бурятские земли в окончательное пользование. По этому поводу председатель Народной думы бурят-монголов Восточной Сибири Д. Сампильон отправил телеграфом в Совет министров Российского правительства просьбу дать официальное разъяснение, что указанные постановления не распространяются на бурятские общинные участки⁸. Для этого имелись определенные правовые основания. Дело в том, что в инструктивных материалах разъяснялось, что новое законодательство регулирует отношения на частновладельческих землях. Казенные и наделные земли оно не затрагивало. Д. Сампильон жаловался, что Забайкальская областная земская управа применяет к общинным землям бурят данные нормативные документы. Но в российском законодательстве присутствовала и другая идея. Земли предполагалось оставлять в распоряжении захватившего их населения, если прежний хозяин сам не занимался земледелием. Таким образом, здесь прослеживается забота об увеличении запашки. Очевидно, что общероссийское законодательство не было рассчитано на скотоводческие хозяйства. Поэтому, захватывая выпасы и сенокосы, крестьяне запахивали их, что позволяло принимать решение в их пользу. Именно на такой трактовке и настаивало Министерство земледелия, подтвердившее, что урожай с распаханых земель должны собрать те, кто осуществил посев, пусть даже путем незаконного захвата земли.

В соответствии с практикой, сложившейся в Сибири в 1917 – начале 1918 г., пустовавшие или сдававшиеся в аренду земли безвозмездно передавались в пользование малоземельному населению или арендаторам. Временное Сибирское и Российское правительства подтвердили эту практику, внося коррективы – в пользу владельца или казны должна была взиматься небольшая арендная плата. Но, учитывая напряженность в земельных отношениях в Забайкальской области, местные земские органы приняли за правило, что любые неиспользованные или сдававшиеся владельцами в аренду земли передаются малоземельному или безземельному населению только по решению

⁵ ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 204. Л. 2об.–3.

⁶ ГАЗК. Ф. 334. Оп. 2. Д. 16. Л. 89.

⁷ Там же. Д. 55. Л. 139.

⁸ Там же. Л. 144.

согласительных комиссий, которые должны были выяснить причину неиспользования⁹.

Делопроизводство местных земельных органов свидетельствует об отсутствии единого вектора аграрных конфликтов в регионе. Приведем несколько типичных примеров. Весной 1918 г. военные наложили обязательство по заготовке и прессовке сена на жителей с. Уненкерское. Из-за недостатка собственных сенокосных угодий крестьяне потребовали недостающие земли у бурят Харя-Шибирского сомона Агинской аймачной управы, не исполнивших санных реквизиций. 30 апреля 1918 г. смешанная комиссия в составе русских и бурят двух селений постановила предоставить им эти сенокосы. Летом крестьяне произвели не только покосы, но и частичную запашку полученных участков. 18 декабря 1918 г. вновь возникшее дело разбирала смешанная комиссия из представителей областной, уездной и аймачной земских управ, крестьян и бурят конфликтовавших селений. В результате прений решено было составить совещание в составе четырех жителей с. Уненкерское и четырех бурят Харя-Шибирского сомона. Совещание пришло к решению, что за сено, оставшееся от реквизиции, крестьяне заплатят бурятам по 1 руб. за пуд, а за землю уплатят как за арендованную 80 руб. за весь запаханый участок¹⁰.

Иногда комиссии рассматривали земельные конфликты между бурятами. У кочующих инородцев Усть-Эдонгинского булука Цогольского хошуна самовольный покос произвели инородцы же селений Верх- и Усть-Тасуркаевское, Усть-Киркинское, Чупринское и Селендинское. 9 декабря 1918 г. стороны удостоверили согласительную комиссию, что сами пришли к полюбовному соглашению за месяц до ее заседаний. Выяснилось, что большинство самовольно косивших чужое сено – беженцы. Но они согласились оплатить по 10 руб. за каждый скошенный душевой надел. Убыток за сено, скормленное во время постоя отряда белых, стороны разделили поровну, произвели общие вычисления платежей и утвердили сумму¹¹.

Были случаи полюбовного решения конфликта. Летом 1918 г. крестьяне с. Беклемешевское выкосили три пади, за которые буряты уже заплатили арендную плату казне. Крестьяне утверждали, что сделали это по ошибке. Правда, сеном крестьяне так и не воспользовались. Его реквизируют военные. По решению согласительной комиссии от 3 января 1919 г., при получении от военных властей денег за сено крестьяне должны были отдать бурятам сумму – 7 руб. за пуд, а 3 руб. оставить себе в оплату за покос и перевозку¹².

Крестьяне той же деревни выкосили еще один бурятский участок Кыргинда, по поводу которого, наоборот, возник серьезный спор. Еще до революции участок был изъят Переселенческим ведомством из владения бурят и передан под заселение. Но так как его никто не занял, он оставался в фактическом пользовании бурят. В 1918 г., ссылаясь на решение предоставить местному крестьянскому населению в случае нужды все пустующие переселенческие земли, крестьяне захватили

этот участок, изгнав оттуда прежних владельцев как пользовавшихся землей не по праву¹³.

А.В. Сушко пишет: «Буряты закономерно обвиняли русское население в большевизме. Хотя в действительности в большинстве случаев это был не большевизм как политика партии, санкционированная ее руководством, а бытовая межэтническая неприязнь, граничившая с бандитизмом» [9, с. 202]. Едва ли есть основания говорить о склонности русских крестьян к анархии и уголовщине. Дело в особенностях крестьянского сознания. С точки зрения русского земледельца, старожил-старообрядца, переселенца или казака, огромные пространства пастбищ, находившиеся в распоряжении кочевого населения, воспринимались как заброшенные земли. Усиливалось такое отношение практикой откочевок в Монголию. Русским казалось, что земли вообще бросили, тогда как в традициях кочевников было вернуться обратно через год–два и считать эту землю по-прежнему своей или передать права на оставленные участки кровным родственникам. Вот типичный пример земельного конфликта на почве различий явно психоментального характера. Крестьяне Бырцинского общества Акшинского уезда устроили заимки на землях тунгусов, откочевывавших в Монголию. На эти земли стали претендовать тунгусы Верхне-Бырцинского сомона. В августе 1918 г. по данному делу собралась согласительная комиссия, которая постановила, что крестьяне должны отдать 1/3 скошенного со спорных земель сена тунгусам. Но 27 декабря тунгусы напали на заимки, находившиеся на спорных землях, избili крестьян и прогнали жителей, отобрав все сено¹⁴.

Долгую историю имело столкновение крестьян Новобрянской волости с соседними бурятами-кочевниками. Весной 1918 г. пожар уничтожил 300 крестьянских дворов. Вследствие давнего малоземелья погорельцы попросили власти предоставить свободные земли на территориях, где еще не было завершено землеустройство. Но буряты заявили, что это их земли. Согласительная комиссия запретила крестьянам селиться на облюбованных ими территориях. Однако земельный отдел Верхнеудинского совета 21 июня 1918 г. отменил решение согласительной комиссии и предоставил крестьянам право на заселение. В связи с возникшим конфликтом Забайкальская областная земская управа назначила новую согласительную комиссию в октябре 1918 г., но крестьяне стали заселять земли, не дожидаясь ее решения, бурят с земель изгоняли. Комиссия постановила оставить уже поселившихся на месте, запретить новые крестьянские постройки на участке, начать выяснение вопроса о количестве земельных излишков у местных кочевников-бурят. В то же время погорельцы-новобрянцы действовали жестко, приступив к сносу бурятских построек, а неосвоенные земли сдавали в аренду крестьянам соседних селений¹⁵.

Знакомство с делопроизводством забайкальских земских органов позволяет существенно скорректировать доминирующие в историографии оценки. Во-пер-

⁹ Там же. Л. 40.

¹⁰ Там же. Л. 17–8.

¹¹ Там же. Л. 25–27об.

¹² Там же. Л. 41–41 об.

¹³ Там же. Л. 320.

¹⁴ Там же. Л. 31–32.

¹⁵ Там же. Л. 188–189, 200, 202.

вых, взаимные земельные претензии бурят, тунгусов и русского населения обусловлены, прежде всего, объективными обстоятельствами. При различном типе ведения хозяйства земли, интенсивно используемые в рамках одного из них, представлялись с точки зрения другого совершенно заброшенными. И русское, и бурятское население руководствовались представлениями обычного права, предполагавшими для одних – сохранение исконных прав на родовые земли, а для других – право на приобретение собственности путем приложения труда к ничейной земле. Идеино-политическое обоснование своих действий по захвату чужих угодий являлось своеобразной мимикрией глубинных психоментальных установок.

Во-вторых, жестокость и насилие в земельных конфликтах проявляли и русские крестьяне, и казаки по отношению к бурятам, и наоборот. В годы Гражданской войны данное обстоятельство нельзя относить к каким-то специфическим явлениям. Насилие над личностью и силовой захват собственности с конца 1917 г. превратились в одну из широко распространенных практик как во внутридеревенских отношениях, так и между общинами и тем более в межсловных взаимодействиях. Межнациональная коммуникация, являясь частью социальных коммуникаций, подчинялась господствовавшим на тот момент образцам поведения. Нет никаких оснований говорить о возникновении особого русского или бурятского бандитизма.

В-третьих, многие захватные действия оказались связаны с вторжением армии в традиционно внутридеревенскую хозяйственную сферу. Для сельских жителей это оборачивалось сверхнормативным, с их точки зрения, обложением, как правило, в натуральной форме, и, следовательно, интерпретировалось как чрезвычайное обстоятельство, дающее право на

земельный передел, действия, «подравнивающие» их с соседями.

В-четвертых, «центр» активно защищал распространение в регионе земледелия, тогда как местным властям была более понятна специфика кочевого скотоводческого типа хозяйствования и необходимость компромисса между земледельческим и скотоводческим населением. Органы местной власти стремились гасить аграрные противоречия и проявляли особое внимание к той их части, которая связывалась с межнациональными контактами. По приблизительным оценкам, примерно треть возникших конфликтов удалось погасить хотя бы на время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мангутов Н.Р. Аграрные преобразования в Советской Бурятии (1917–1933 гг.). Улан-Удэ, 1960.
2. История Бурятской АССР. М., 1963. Т. 2.
3. Халтаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ, 1964.
4. Батуев Б.Б. Борьба за власть Советов в Бурятии. Улан-Удэ, 1977.
5. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг.: Документы и материалы. Улан-Удэ, 1994.
6. Лесков С.А. Организация земельных органов в Забайкалье при атамане Семенове // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Улан-Удэ, 2006. Сер. 4: История. Вып. II. С. 226–230.
7. Лесков С.А. Власть и сельское население Забайкалья в годы гражданской войны: история взаимоотношений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2007.
8. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Омск, 2009.
9. Сушко А.В. Особенности бурято-русских межэтнических конфликтов на почве землепользования в годы революции и Гражданской войны в Сибири // Известия Алтайск. гос. ун-та. 2009. № 4/2 (64/2). С. 201–205.
10. Сушко А.В. Процессы суверенизации в Сибири (февраль 1917 – 1923 г.): Дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2011.